

DOI: 10.14515/monitoring.2021.5.1939

Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева, Н. С. Иванова

ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ СКЛАДЫВАНИЯ МЕСТ РЕЗИДЕНТНОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ МИГРАНТОВ ВОКРУГ РЫНКОВ

Правильная ссылка на статью:

Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С. Факторы и механизмы складывания мест резидентной концентрации мигрантов вокруг рынков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 425—449. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1939>.

For citation:

Varshaver E. A., Rocheva A. L., Ivanova N. S. (2021) Factors and Mechanisms of the Formation of Migrant Residential Concentration Areas Around Markets. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 425–449. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1939>. (In Russ.)

ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ СКЛАДЫВАНИЯ МЕСТ РЕЗИДЕНТНОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ МИГРАНТОВ ВОКРУГ РЫНКОВ

FACTORS AND MECHANISMS OF THE FORMATION OF MIGRANT RESIDENTIAL CONCENTRATION AREAS AROUND MARKETS

ВАРШАВЕР Евгений Александрович — кандидат социологических наук, руководитель Группы исследований миграции и этничности, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

*E-MAIL: varshavere@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>*

РОЧЕВА Анна Леонидовна — кандидат социологических наук, ведущий исследователь Группы исследований миграции и этничности, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

*E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3181-9698>*

ИВАНОВА Наталия Сергеевна — научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, исследователь Группы исследований миграций и этничности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

*E-MAIL: nataliya.ivanova.0709@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1140-2334>*

Evgeni A. VARSHAVER¹ — Cand. Sci. (Soc.), Head of the Group for Ethnicity and Migration Research; Senior Research Fellow at the Center for Regional Research and Urban Studies

*E-MAIL: varshavere@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>*

Anna L. ROCHEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher at the Group for Ethnicity and Migration Research; Research Fellow at the Center for Regional Research and Urban Studies

*E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3181-9698>*

Nataliya S. IVANOVA¹ — Research Fellow of the Center for Regional and Urban Studies, Researcher of the Group for Migration and Ethnicity Research

*E-MAIL: nataliya.ivanova.0709@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1140-2334>*

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования факта складывания мест резидентной концентрации мигрантов в российских городах-миллионниках, а также механизмов, объясняющих процесс такого складывания. Исследование осуществлялось

Abstract. The article presents the results of a study, which focuses on the fact of formation of migrant residential concentration areas in Russian cities with a population of more than 1 million, as well as on the mechanisms that explain this process. The study was conducted using

с использованием смешанных методов сбора данных в 15 городах. Было проведено 877 экспресс- и 108 экспертных интервью. Согласно результатам исследования, места резидентной концентрации мигрантов в некоторых из городов действительно складываются. Это происходит в жилой застройке, примыкающей к крупным оптовым вещевым или плодоовощным рынкам, которые зачастую появлялись на городской периферии в начале 1990-х годов. Значительную часть работников на них составляли мигранты — сначала из Закавказья, а затем все больше из Средней Азии, которые стали снимать и покупать квартиры в прилегающих к рынкам домах. Такие районы постепенно приобретали имидж мигрантских, и многие из местных жителей, которые при прочих равных поселились бы там, теперь выбирали другие места в городе.

Факторы, способствующие складыванию места резидентной концентрации мигрантов, следующие: наличие в городе большого числа мигрантов, а также крупного рынка, находящегося на одном и том же месте продолжительное время; наличие относительно небольшого количества жилых домов, расположенных в непосредственной пешей доступности от рынка и пространственно отделенных от прочей жилой застройки; невысокие цены на покупку и аренду недвижимости, а также высокая доля общежитий и новостроек экономкласса в данном месте. В статье каждый фактор анализируется в отдельности, и на этой основе создается идеально-типическое описание истории складывания места резидентной концентрации мигрантов, иллюстрируемое кейсом микрорайона

mixed methods in 15 cities. 877 express interviews and 108 expert interviews were carried out. According to the results of the study, migrant residential concentration areas in some of these cities do appear. It happens in residential buildings adjacent to large wholesale clothing or fruit and vegetable markets that often appeared on the urban periphery in the early 1990s. A significant part of workers on these markets were migrants – first from Transcaucasia, and then more and more from Central Asia, who began to rent and buy apartments in the adjacent buildings. Such areas gradually acquired the image of migrant places, and many of the local residents who, other things being equal, would have settled there, now chose other city parts.

The factors contributing to the formation of a migrant residential concentration area are the following: the presence of a large number of migrants in the city; the presence of a large market that has been on the same place for a long time; relatively small number of residential buildings located within walking distance from the market and spatially separated from other residential buildings; low prices for the purchase and rental of real estate there, as well as a high share of dormitories and newly raised residential buildings in this area. In the article, each factor is analyzed separately and an ideal-typical description of the story of the formation of the migrant residential concentration area is created, being illustrated by the case of the Temernik area in Rostov-on-Don. The article concludes with the identification of the limitations of the research design and suggestions for further research.

Темерник в Ростове-на-Дону. В заключении статьи указываются ограничения исследовательского дизайна, а также предлагаются вопросы для дальнейшего изучения.

Ключевые слова: мигранты, расселение мигрантов, рынки, концентрация мигрантов, интеграция мигрантов

Keywords: migrant settlement, migrant integration, markets, bazaars, migrant residential concentration

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 18-78-10086) «Анализ механизмов формирования этномиграционных анклавов в российских городах». Мы благодарим за участие в сборе данных: Б. Абророву, А. Авдашкина, В. Азарову, А. Андрееву, А. Ахмедову, Я. Богуславскую, М. Братолобову, Е. Власову, М. Ермакову, М. Кандински, Е. Карчагина, Р. Кашапова, Н. Кононца, И. Терехову, И. Токмань, Д. Холявченко, Ю. Чеботарева, К. Шепетину, И. Федорова.

Acknowledgments. The research behind the article is supported by the Russian Science Foundation (project RSF № 18-78-10086) “Analysis of Ethno-Migrant Enclave Formation in Russian Cities”. We thank for participating in data collection: B. Abrorova, A. Avdashkin, V. Azarova, A. Andreeva, A. Akhmedov, Ya. Boguslavskaya, M. Bratolyubova, E. Vlasov, M. Ermakova, M. Kandinsky, E. Karchagin, R. Kashapov, N. Kononets, I. Terekhova, I. Tokman, D. Kholyavchenko, Yu. Chebotareva, K. Shepetinu, I. Fedorova.

Введение

Как мигранты расселяются в российских городах? Можно ли говорить о местах резидентной концентрации мигрантов и, если да, как можно объяснить их появление? Долгое время в российской академической науке сосуществовало два противоречащих друг другу представления. Согласно первому, мигранты в целом равномерно расселены в пространстве российских городов, и в них не складываются «этнические районы»¹ [Бредникова, Ткач, 2010; Demintseva, 2017]. Одним из источников такой точки зрения были данные переписи [Вендина, 2004]. Однако, будучи хорошим инструментом изучения расселения мигрантов и складывания мест резидентной концентрации в других принимающих мигрантов странах, в России перепись скорее вводит в заблуждение — ее данные агрегированы по крупным районам, а мигранты в ней серьезным образом недоучитываются². Согласно второму представлению, в российских городах места резидентной кон-

¹ Деминцева Е. Б., Пешкова В. М. Мигранты из Средней Азии в Москве // Демоскоп Weekly. 2014. № 597—598. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/demoscope597.pdf> (дата обращения: 29.09.2021).

² Такое мнение в целом распространено среди экспертов (см., например, [Мкртчян, 2011: 28]). Помимо этого, в ходе переписи 2002 г. было проведено небольшое исследование того, как устроен этот процесс в отношении мигрантов в Москве, указывающее на конкретные сложности с их учетом (см. [Филиппов, 2003]).

центрации мигрантов, наоборот, складываются³. Эту точку зрения поддерживают некоторые эксперты из региональных столиц, которые часто могут указать на конкретное место в городе, где, по их мнению, мигрантов живет гораздо больше, чем в других местах [Ерохина, 2017]. Обычно эти территории значительно меньше административных районов и не имеют собственного отражения в административной статистике, однако местным населением они распознаются как отдельные вернакулярные районы. В них, как правило, располагаются большие рынки [Авдашкин, 2020].

В 2018 г. «Группой исследований миграции и этничности»⁴ был запущен проект, призванный разрешить этот парадокс и дать ответ на вопрос о том, складываются ли места резидентной концентрации мигрантов в российских городах, и, если да, как и почему это происходит. В связи с указанными несовершенствами переписи административные данные стали лишь отправной точкой, и исследовательский дизайн был разработан на основании смешанных методов — анализа статистики и литературы, экспертных, глубинных и экспресс-интервью, наблюдения и цифровой этнографии.

Промежуточные результаты этой работы были опубликованы в нескольких журналах [Варшавер, Рочева, Иванова, Андреева, 2019, Варшавер, Рочева, Иванова, Андреева, 2020; Варшавер, Рочева, Иванова, Ермакова, 2020; Ермакова, Варшавер, Иванова, 2020]. Сейчас проект еще продолжается, хотя и находится на завершающей стадии. В статье, опубликованной летом 2020 г. в журнале «Социологическое обозрение» [Варшавер, Рочева, Иванова, Ермакова, 2020], было показано, что места резидентной концентрации в России, по всей видимости, действительно складываются. Более того, в разных местах это происходит сходным образом: на периферии российских городов в 1990-х появляются рынки, вокруг которых селятся мигранты, и через некоторое время в прилегающей к рынкам застройке доля мигрантов оказывается существенно выше, чем в других частях города.

Этот паттерн был обнаружен в ходе анализа складывания мест резидентной концентрации мигрантов в Московской области (Котельники), Екатеринбурге (Сортировка) и Красноярске (КрасТЭЦ). Однако воспроизводится ли обнаруженный паттерн в других российских крупных городах? В ходе исследовательской работы, на основании результатов которой была написана эта статья, нами были изучены случаи возникновения и не-возникновения мест резидентной концентрации мигрантов рядом с рынками в прочих российских городах-миллионниках, проведено сравнение этих случаев между собой и с уже изученными вышеназванными кейсами, показана вариативность обнаруженного паттерна, а также дан ответ на вопрос — при каких обстоятельствах места резидентной концентрации вокруг рынков в российских городах-миллионниках складываются, а при каких обстоятельствах этого не происходит.

³ Вендина О. Москва этническая: грозит ли городу геттоизация? // Демоскоп Weekly. 2004. № 177—178. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0177/тема05.php> (дата обращения: 29.09.2021); Мукомель В. Наступить на чужие грабли или найти свои? // Россия в глобальной политике. 2008. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nastupit-na-chuzhie-grabli-ili-najti-svoi/> (дата обращения: 29.09.2021).

⁴ Подробнее о «Группе исследований миграции и этничности» см. URL: <http://mer-center.ru/> (дата обращения: 23.09.2021).

Статья состоит из следующих частей:

- 1) обзор литературы и теоретическая рамка, использованная в ходе работы;
- 2) описание методологии и ее ограничений;
- 3) основные дескриптивные результаты исследования в 15 городах;
- 4) описание идеального типа места резидентной концентрации рядом с рынком и механизма его возникновения;
- 5) теоретическая модель, объясняющая складывание или не-складывание места резидентной концентрации;
- 6) анализ факторов, включенных в модель, по отдельности;
- 7) описание случая возникновения места резидентной концентрации в микрорайоне Темерник (Ростов-на-Дону);
- 8) обсуждение результатов и их ограничений, постановка исследовательских вопросов для последующих исследований.

Обзор литературы и теоретическая рамка

Места резидентной концентрации мигрантов обычно исследуются в рамках двух радикально различающихся исследовательских подходов. Первый концентрируется на анализе резидентной статистики — переписей и реестров населения [Hartog, Zorlu 2009; Iceland, Scopilliti 2008]. Ключевым словом в рамках этого подхода является «сегрегация», и именно ее уровень в таких работах рассчитывается на основании статистических данных, однако иногда в фокусе этих исследований оказываются отдельные резидентные единицы, в которых доля мигрантов самая высокая [Walton, 2017]. Например, австралийские географы М. Пульсен, Р. Джонстон и Дж. Форрест в поиске таких мест классифицировали все резидентные единицы Сиднея и показали, что «анклавы», в которых доля мигрантов была бы выше 50 %, сравнительно редки [Poulsen, Johnston, Forrest 2004]. Исследование расселения мигрантов в трех крупнейших канадских городах с 1970-х по начало 2000-х годов показало, что за этот период в Торонто и Ванкувере районы с высокой концентрацией мигрантов переместились из центра в пригороды, в то время как в Монреале они по-прежнему селились преимущественно в центральной части [Murdie, 2008]. К этому же подходу можно отнести работы российских географов, изучавших распределение представителей разных этнических категорий и мигрантов по районам Москвы на основании разнообразных количественных данных [Вендина, 2009; Вендина, Панин, Тикунов, 2019].

Второй подход рассматривает места резидентной концентрации как контекст для изучаемых явлений, которые, по умолчанию, ярче всего в них проявляются. В рамках таких исследований часто затрагивается вопрос интеграции и демонстрируется, что связь между расселением и интеграцией двояка. С одной стороны, места концентрации мигрантов становятся теми пространствами, которые помогают им быстрее найти работу, обрести сети поддержки и сформировать привязанность к новому месту проживания [Mazumdar et al., 2000], а также меньше страдать от депрессии [Jurcik et al., 2013]. Более того, трудоустройство в этнических анклавах зачастую связано с более высокими доходами, чем на «общем» рынке труда [Edin, Fredriksson, Åslund, 2003; Portes, Manning, 1986]. С другой стороны, проживание в «этнических» районах может быть связано с более низким уровнем

знания языка принимающей страны [Chiswick, Miller, 2005; Lazear, 1999], худшей успеваемостью детей в школах [Danzer et al., 2018; Grönqvist, 2006], а также с более высоким уровнем дискриминации [Douzet, Robine, 2015] и религиозной радикализацией [Hüttermann, 2018]. Разнонаправленность процессов, происходящих в местах резидентной концентрации мигрантов, отмечают и российские ученые на примере Новосибирска [Madiukova, Persidskaia, 2017].

В этих исследованиях, впрочем, редко говорят о конкретных цифрах, позволяющих местам резидентной концентрации мигрантов считаться таковыми. Не в последнюю очередь это связано с условностью и лишь номинальной квантифицируемостью этого понятия — для тех или иных резидентных единиц возможно определить процент по-разному выделенных мигрантов, но гораздо сложнее точно сказать, когда этот процент становится достаточным для того, чтобы можно было говорить именно о месте резидентной концентрации. Вместе с тем эффект концентрации сложно отрицать, и он продемонстрирован на значительном числе кейсов [MacDonald, Hipp, Gill, 2013; Rydland, Grøver Aukrust, Fulland, 2013; Schönwälder, 2007]. Кроме того, в этих исследованиях обсуждаются отдельные факторы, связанные с тем или иным уровнем этнической сегрегации [Blom, 1999; Musterd, 2005], при этом в российском случае в большей степени фокусируются на тех из них, которые препятствуют формированию «этнических районов» [Вендина, 2004; Demintseva, 2017]. Вместе с тем работы, которые ставили бы своей задачей детальное описание механизмов складывания мест резидентной концентрации, за редкими исключениями [Massey, 1985; Moon, Jang, 2014] отсутствуют.

Ориентируясь на предположительную связь между концентрацией и интеграцией, в статье мы отталкивались от рамочного определения места резидентной концентрации, о котором можно говорить в том случае, если:

- 1) доля мигрантов, проживающих в некотором месте, существенно выше, чем в прочих сопоставимых местах,
- 2) доля мигрантов в этом месте значительна,
- 3) само по себе место в том, что касается «резидентной вместимости», достаточно масштабно.

Конкретное наполнение каждого из пунктов могло быть разным, зависело от контекста, и это позволяло сопоставлять между собой случаи, существенно различающиеся по характеристикам застройки, количеству мигрантов, проживающих в городе в целом и пр.

Важно было, кроме того, договориться о том, кто понимается в рамках данного исследования под термином «мигрант». Мы следовали регулярно используемому в наших работах [Варшавер и др., 2020; Варшавер, Иванова, Рочева, 2020] рамочному определению, согласно которому мигранты — это нынешние или бывшие иностранцы и их дети, при этом концентрировались мы на «видимых меньшинствах», то есть тех, кто зачастую маркируется принимающим обществом как «культурный чужак», из Закавказья и Средней Азии. Далее по тексту, когда встречается слово «мигрант», по умолчанию подразумеваются именно такие люди. В некоторых контекстах, однако, приходилось выходить за пределы этого определения или пересматривать его иным образом. Так, в отдельных городах существуют крупные «вьетнамские» рынки, а за Уралом большую роль играет китай-

ская миграция, вследствие чего в исследовательском фокусе в соответствующих регионах оказывались китайские и вьетнамские мигранты. Кроме того, в отдельных южных регионах представители некоторых этнических категорий (например, армяне в Ростовской области и казахи в Волгограде) в качестве «культурных чужаков» воспринимаются остальным населением в гораздо меньшей степени, чем в прочих регионах России, и это также принималось во внимание в ходе ad hoc определения мигранта для этих регионов и городов. Такая интерпретация термина вызвала и некоторые лексические противоречия, в частности, в категорию «местные», противопоставленную категории «мигрант», попали приезжие из других населенных пунктов и регионов внутри России. Однако этот словарь в целом позволил провести исследование и описать результаты.

Методология исследования

Исследование осуществлялось в смешанной методологии — использовалось разнообразие кабинетных и полевых методов, в частности, анализ резидентной статистики, анализ академической и неакадемической литературы и интернет-источников, экспертные, глубинные и экспресс-интервью, наблюдение и цифровая этнография. Генеральная совокупность была ограничена российскими городами-миллионниками, выборка которых не осуществлялась — исследовались все 15 таких городов: Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Казань, Красноярск, Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Пермь, Ростов-на-Дону, Самара, Санкт-Петербург, Уфа и Челябинск.

В целом исследование каждого из городов проводилось в два этапа. Сначала осуществлялся поиск и анализ академической и неакадемической литературы о расселении мигрантов и местах их резидентной концентрации в этих городах, равно как и об истории пространственного развития этих населенных пунктов, создавался реестр наиболее крупных городских рынков, при этом упор делался на вещевые и плодоовощные рынки, а также проводились экспертные онлайн-интервью. Для того, чтобы подобрать необходимых экспертов, был выделен их идеально-типический набор — историк-урбанист, специалист по миграции, а также руководитель мигрантской организации, «представляющей» наиболее многочисленную мигрантскую группу. Фактический набор экспертов мог отличаться от идеально-типического, и зачастую экспертов было больше. По завершении этого этапа в каждый из городов была осуществлена исследовательская поездка, в рамках которой проверялись гипотезы о местах резидентной концентрации вокруг наиболее крупных рынков, а также собиралась дополнительная информация о механизмах их складывания.

Основным способом определения приблизительной доли мигрантов, живущих в том или ином месте в исследуемых городах, была комбинация наблюдения и интервью. Соответствующие исследовательские мероприятия организовывались следующим образом. Прежде всего выделялись границы застройки, в которой предстояло определить долю проживающих мигрантов. Затем в ней классифицировались дома, и на этой основе делалась выборка домов и подъездов, в отношении которых предстояло оценить приблизительную долю мигрантов. Рядом с этими домами осуществлялось наблюдение и проводилась серия экспресс-интервью

жителей, при этом наряду с вопросами о «районе в целом», в котором, по мнению информантов, обычно оказывалось «очень много мигрантов», задавался вопрос о том, сколько «мигрантских» квартир в подъезде, в котором живет информант, а также у него на этаже. В этом случае доля мигрантов оказывалась ниже, и на нее в первую очередь мы и ориентировались в расчетах. Экспресс-интервью проводились как с местными, так и с мигрантами и продолжались до тех пор, пока не складывалось отчетливое, непротиворечивое представление о доле мигрантов в соответствующем доме, и каждое следующее интервью только подтверждало сложившееся представление. Этот способ был основным элементом методологической конструкции исследования.

Наряду с изучением застройки, прилегающей к рынкам, проводились экспресс-интервью на самом рынке, в ходе которых изучались «этнический профиль» и примерная география расселения его работников, а также интервьюировались люди, имеющие представление о данном месте (продавцы магазинов, директора школ и пр.). Собранная информация была организована в кейсбук, единицей анализа в рамках которого стал рынок, а результатом анализа — описание приблизительной доли мигрантов в застройке, связанной с рынком, а также факторы складывания или не-складывания там места резидентной концентрации. Из этих факторов затем была создана теоретическая модель. Совокупное число исследованных случаев составило 37, совокупное число экспресс-интервью — 877, совокупное число экспертных интервью — 108.

У такого способа работы есть ряд ограничений. Во-первых, описанный способ определения доли мигрантов в застройке сам по себе не является точным и, по сути, позволяет лишь грубо различить ситуации, в рамках которых:

- мигрантов нет или почти нет;
- мигранты есть, но их немного;
- мигранты есть, их много, но не большинство;
- мигрантов большинство.

За исключением анализа больших данных, однако, это единственный способ ответить на поставленный вопрос. Более того, сопоставление изученных случаев на основании этой имплицитной шкалы, с известной долей приблизительности, позволяет осмысленно их группировать.

Во-вторых, часто возникал вопрос границ исследуемой застройки, и исходя из этого существенно варьировалась даже примерно определяемая доля мигрантов, там проживающих. Обычно в фокусе оказывался ближайший радиус от рынка, где есть жилая застройка, однако, кроме этого, изучались дома, отстоящие на некотором расстоянии. Иногда, впрочем, границы носили вполне отчетливый характер, и такой проблемы не возникало.

В-третьих, далеко не всегда рынку соответствовала одна единственная совокупность зданий — в некоторых случаях их могло быть несколько. Например, СНТ (садовое некоммерческое товарищество), квартал многоэтажек советского периода и современный жилой комплекс. В таких случаях анализировать факторы, объясняющие долю мигрантов в этих образованиях, а также складывание или не-складывание там мест резидентной концентрации, приходилось в отдельности по каждой совокупности зданий.

В-четвертых, возникала проблема отбора рынков. Мы исходили из того, что в городе есть как минимум два больших рынка — вещевой и плодоовощной. Но иногда вещевой оптовый рынок или крупный плодоовощной распределительный центр в городе отсутствуют, и предприниматели ездят на закупки в другие регионы. Тогда в городе вместо одного большого рынка есть несколько небольших. По факту, в той или иной степени, было изучено большинство крупных рынков городов и застройки вокруг них. Однако если на основании нескольких первых интервью становилось понятно, что места резидентной концентрации там не складывается, — результаты работы фиксировались и изучение продолжалось в следующем месте.

Вместе с тем, несмотря на эти ограничения и очевидные несовершенства методологии, вся совокупность данных, собранных в 15 городах России и организованная в 37 случаев, позволяет создать достаточно четкую картину: описать идеально-типический случай места резидентной концентрации, а также механизмы его складывания, выделить факторы, связанные с возникновением мест резидентной концентрации, оценить вариативность и «вес» каждого из них и, в конечном счете, оптимально объяснить, каким образом места резидентной концентрации мигрантов, связанные с рынками, складываются в России.

Результаты исследования

Из 37 изученных случаев только в шести место резидентной концентрации было выражено ярко (от 20 % мигрантских квартир). Перечислим эти случаи:

- 1) район Покровских проездов и микрорайон Южный в подмосковном городе Котельники (оба этих места резидентной концентрации связаны с рынком «Садовод»),
- 2) район Сортировка в Екатеринбурге, связанный с рынком «Таганский ряд»,
- 3) район Темерник в Ростове-на-Дону, связанный с одноименным рынком,
- 4) район Авиагородок в Самаре, примыкающий к Кировскому вещевому рынку,
- 5) застройка рядом с Хилокским рынком, а также
- 6) несколько жилых массивов рядом с частично закрывшимся кластером рынков на Гусинобродском шоссе в Новосибирске.

Был ряд случаев, в которых, хотя и можно говорить о концентрации мигрантов, но примерная доля мигрантских квартир была ниже 20 %. В частности, это застройка рядом с Юго-Западным рынком в Воронеже, район улиц Калмыкова и Комаровского, расположенный через реку от Китайского рынка в Челябинске, район Тракторозаводского рынка в Волгограде, микрорайон Затон в Уфе, а также район КрасТЭЦ в Красноярске. В некоторых местах доля мигрантов в прилегающей застройке высока, однако совокупное количество этой застройки совсем небольшое. Наиболее яркие случаи такого типа — район Канавинского рынка в Нижнем Новгороде, где преобладает частный сектор и есть «мигрантские» улицы, однако совокупно этой застройки немного — всего несколько улиц, а также район овощебазы на ул. Адоратского в Казани, где непосредственно прилегающей к рынку застройкой оказывается всего один дом, представляющий из себя общежитие, где большая часть жителей — мигранты.

Оставшиеся случаи характеризуются еще более низкой долей проживающих мигрантов. Возможно, она остается более высокой, чем в других местах в городе,

однако в рамках принятого для этой статьи рабочего определения места резидентной концентрации, а также в свете отсутствия должного инструментария, такие места скорее рассматривались как несложившиеся места резидентной концентрации и исследовались на предмет факторов, объясняющих, почему так произошло. Такой анализ также способствовал созданию описания идеального типа и изучению роли каждого фактора в складывании или не-складывании мест резидентной концентрации мигрантов вокруг рынков.

Итак, что представляет из себя идеально-типическое место резидентной концентрации мигрантов рядом с рынком? Это жилая застройка, непосредственно примыкающая к большому рынку на городской периферии, вокруг которого зачастую располагаются прочие предприятия, трудоустраивающие мигрантов, — например, автосервисы или кафе. Застройка эта чаще всего многоэтажная, где средняя доля «мигрантских» квартир (или иных резидентных единиц), взятая от всех квартир дома, составляет от 20 %. Однако в силу того, что мигранты в среднем живут плотнее, чем местные (с одной стороны, в квартирах могут формироваться своего рода общезития, с другой — в мигрантских семьях, в среднем, больше детей, чем в немигрантских), доля мигрантов ко всем живущим в такой застройке может быть выше, чем доля «мигрантских» квартир. В такой застройке, кроме того, редко, но встречаются дома, в которых и доля «мигрантских» квартир превышает 50 %. Обычно это дома, непосредственно примыкающие к рынкам или находящиеся внутри них. По мере отдаления от рынка доля как «мигрантских» квартир, так и мигрантов в целом падает, и в результате совокупная доля мигрантов во всей застройке почти никогда не превышает 50 %.

Немигрантское население этих районов чаще всего относится к одной из трех категорий. Во-первых, это жители, поселившиеся там в советское время и оттуда не переехавшие: пенсионеры, люди, занятые на низкоквалифицированных работах, иногда — нынешние работники заводов, с которыми в советское время была ассоциирована эта застройка. Во-вторых, это потомки «заводчан», которые, чаще всего после смерти своих старших родственников, решили там поселиться. В-третьих, это внутренние — внутрирегиональные или трансрегиональные — мигранты, снимающие или покупающие там квартиры в связи с их низкой стоимостью, а также молодые семьи, в которых как минимум один из супругов родился в городе, где расположен район. Нередко внутри или рядом с этой застройкой есть школа — в ней доля учащихся мигрантов может быть больше 50 %, и она считается «мигрантской». Однако если таких школ больше, чем одна — цифры по мигрантам в них могут существенно различаться.

Как такие места складываются? В начале 1990-х на городской периферии, на пустыре или на месте до того существовавшего рынка, возникает большой вещевой или плодоовощной рынок (овощебаза). Этот рынок становится важным логистическим узлом для города, региона и иногда даже соседних регионов. Работают на этом рынке преимущественно мигранты из Закавказья, а затем все больше — из Средней Азии. Эти мигранты занимаются торговлей или обеспечивают функционирование рынка. В рамках снижения издержек на проживание и перемещение до работы, они предпочитают селиться в пешей доступности от рынка, тем самым обеспечивая спрос на застройку, непосредственно к рынку

примыкающую. Параллельно идет отток населения, напрямую не связанный с наличием рынка. Зачастую речь идет об окраинных, нередко заводских, районах, уровень жизни в которых один из самых низких в городе, отчего те, кто имеет возможность переехать в другое место, делает это, в результате чего освобождаются резидентные слоты, со временем заполняемые мигрантами. В этих районах, кроме того, нередко идет точечное и микрорайонное строительство, появляются новостройки экономкласса, и в них мигранты селятся еще чаще, чем в старом жилом фонде. По мере того, как в прилегающей к рынку застройке доля мигрантов повышается, во-первых, район становится известен в городе как «мигрантский», и, как следствие, местные жители избегают покупки или аренды недвижимости в нем. Во-вторых, там с большей вероятностью селятся мигранты, которые не работают на рынке: прибыв в город, первое время они живут у знакомых в этом районе, а затем, когда решают, где снять койко-место, комнату или квартиру, остаются жить по соседству. Это связано с тем, что район им уже известен, вокруг есть мигрантская инфраструктура (например, кафе). Кроме того, они успели познакомиться с проживающими здесь мигрантами, и, скорее всего, именно через них они и узнали о возможности арендовать в этом районе недвижимость. Дополнительным аттрактором для мигрантов, в первую очередь семейных, в этом районе оказывается «мигрантская» школа — учебное заведение, где к детям-мигрантам «привыкли», не чинят им препятствий в том, что касается зачисления, а также, возможно, в ней есть специальные программы для таких детей.

Именно так можно обобщить всю совокупность случаев, однако есть типичные вариации и девиации. В частности, застройка вокруг рынка может быть не многоэтажной, а «частным сектором». Рынок мог сложиться как в советское время, так и в последние годы (зачастую был осуществлен перенос рынка со старого места на новое). Район, где возник рынок, мог быть не периферийным, а относительно центральным. Более того, в той мере, в какой идеальный тип создавался на основе наиболее ярких случаев, похожие механизмы действовали и тогда, когда доля проживающих в микрорайоне мигрантов по разным причинам так и не достигла условных 20%.

Поместив все исследованные случаи в фокус нашего анализа, мы выделили факторы, которые объясняют складывание или не-складывание места резидентной концентрации. Опишем эти факторы и механизмы, за ними стоящие.

Количество мигрантов в городе

В рамках создания модели требует упоминания очевидный факт, что чем выше доля мигрантов к населению города и региона, тем выше вероятность складывания мест их концентрации. Действительно, согласно нашим вычислениям⁵, в регионах, попавших в выборку, места резидентной концентрации мигрантов чаще всего складываются именно там, где их доля выше всего. Москва занимает в этом «чарте» первое место, Новосибирская область — третье, Свердловская

⁵ Сначала по специальному запросу были получены данные по количеству постановок на миграционный учет иностранцев из разных стран в регионах России. Затем количество постановок на миграционный учет иностранцев из закавказских и среднеазиатских стран было разделено на количество жителей региона.

область — четвертое, а Самарская — пятое. Исключениями в этом отношении оказываются, с одной стороны, Санкт-Петербург и Ленинградская область, а с другой — Ростовская область. Санкт-Петербург и Ленинградская область принимают мигрантов почти наравне с Москвой, однако ярко выраженных мест резидентной концентрации там не складывается. Ростовская область, наоборот, находится в нижней четверти по доле мигрантов, однако именно там зафиксировано наиболее ярко выраженное место их резидентной концентрации.

Тип и величина рынка

Рынки или рыночные кластеры различаются в том, что касается их «профиля», который может оказаться более или менее «мигрантским». Скажем, на оптовых плодоовощных рынках чаще всего работают мигранты, а на строительных рынках, наоборот, местные. Вещевые рынки в этом смысле занимают промежуточные позиции, однако «мигрантскость» рынка различается от региона к региону. Фактор величины рынка считается интуитивно понятным. В этом смысле эталонным «большим» рынком можно назвать «Садовод», где, как следует из информации на его сайте, на 40 га территории располагается 8 000 магазинов⁶. Однако величина важна не сама по себе, а в связи с рабочими местами, которые существуют на рынке, их количеством и типом. Оптовые рынки, по всей видимости, с большей вероятностью будут создавать места резидентной концентрации, поскольку на них работает больше низкоквалифицированных работников — грузчиков, тележечников и пр. Внутренняя же логистика розничных рынков, пусть и относительно больших, столько низкоквалифицированных работников не требует, и многие из тех, кто там торгует, — это «осевшие» мигранты с собственной квартирой и личным транспортом, который, в том, что касается места жительства, «отвязывает» их от места работы.

Давность существования рынка

В случае, если рынок существует давно, и с ним не происходило никаких «метаморфоз» (в частности, переноса некоторых его частей в прочие места), вероятность, что вокруг него сложится место резидентной концентрации, выше, чем если рынок недавний. Из всех кейсов, где место резидентной концентрации было ярко выраженным, лишь два московских случая нарушают эту закономерность (например, «Садовод» возник после ликвидации Черкизовского рынка в 2009 г.), в остальных же случаях рынки возникли в 1990-х годах или даже в советское время (Гусинобродский рыночный кластер). Иногда («Восточный» рынок в Челябинске и «Колхозный» — в Казани) места резидентной концентрации существовали ранее, однако затем, с переносом части рыночной инфраструктуры, они сошли на нет. В свою очередь, если рынок переносят в новое место, это, при определенных обстоятельствах, может не привести к тому, что за ним «последует» и место резидентной концентрации мигрантов. Так, перенос торговли с Гусинобродского шоссе в специально построенный «Норд-Молл» в Новосибирске не привел к формированию там места резидентной концентрации, и многие «рыночные» мигранты остались жить на старом месте.

⁶ Подробнее см. URL: <https://sadovodtk.ru/> (дата обращения: 12.11.2020).

Стоимость покупки и аренды недвижимости в застройке, ассоциированной с рынком, на городском фоне

Если стоимость покупки и аренды недвижимости в застройке, прилегающей к рынку, ниже, а еще лучше существенно ниже, чем в среднем по городу, вероятность того, что в этой застройке сложится место резидентной концентрации — выше, чем если это не так. Авиагородок, примыкающий к Кировскому рынку в Самаре, а также застройка, располагающаяся рядом с ростовским рынком Темерник и новосибирскими Хилокским и Гусинобродским рынками, — это почти самые дешевые районы в соответствующих городах⁷. Эта логика, впрочем, несколько нарушается в Екатеринбурге и Москве, где конструкция факторов, создающая место резидентной концентрации, в меньшей степени включает в себя ценовой контраст застройки в сравнении с другими районами. Есть и еще один нюанс — по всей видимости, в таких районах возникает особый, мигрантский, спрос, который, в конечном счете может поднять цены на часть недвижимости. Впрочем, как именно устроен этот спрос, и как он влияет на ценообразование — вопрос отдельного исследования.

Дистанция от рынка до застройки

Можно выделить три ситуации:

- 1) В рамках первой — рынок и застройка частично накладываются, некоторые здания находятся на территории рынка, некоторые на границе, а некоторые — сразу за ней;
- 2) В рамках второй — застройка и рынок находятся в пешей доступности;
- 3) В рамках третьей — от рынка до застройки и наоборот необходимо добираться на транспорте.

При прочих равных первая и вторая ситуации будут способствовать складыванию места резидентной концентрации. Примерами такой пространственной соотнесенности застройки и рынка выступают Сортировка в Екатеринбурге (застройка накладывается на рынок), Темерник в Ростове-на-Дону и Авиагородок в Самаре (застройка примыкает к рынку). Третья ситуация, наоборот, способствует более дисперсному расселению, поскольку сама необходимость добираться на транспорте позволяет на равных основаниях рассматривать жилье на довольно обширной территории. Возможно, именно поэтому в уфимском микрорайоне Затон так и не сложилось места резидентной концентрации мигрантов: при том, что большинство работников рынка «Евразия», по всей видимости, действительно живут в этом районе. Дело в том, что до работы они добираются на транспорте, а значит, во-первых, им все равно, где именно в Затоне жить, во-вторых, некоторые работники базы предпочитают жить в других местах. Здесь, впрочем, вмешивается следующий фактор, описывающий застройку, — ее количество и ограниченность.

⁷ Маркетинговое исследование рынка жилой недвижимости (Новосибирск) // PwC. 2018. URL: <https://www.pwc.ru/ru/assets/avito/report-avito-novosib-280518.pdf> (дата обращения: 29.09.2021); Маркетинговое исследование рынка жилой недвижимости (Ростов-на-Дону) // PwC. 2018. URL: <https://www.pwc.ru/ru/assets/avito/report-avito-rostov-28052018.pdf> (дата обращения: 29.09.2021); Маркетинговое исследование рынка жилой недвижимости (Самара) // PwC. 2018. URL: <https://www.pwc.ru/ru/assets/avito/report-avito-samara-28052018.pdf> (дата обращения: 29.09.2021).

Количество застройки и ее ограниченность от прочей застройки

Рынок — это всегда ограниченное количество рабочих мест. Однако даже если рядом с рынками селятся мигранты, работающие не только на них, а вокруг оказывается много жилой застройки, то мигранты в ней «растворяются», и место резидентной концентрации не складывается. Наоборот, способствовать возникновению места резидентной концентрации будет ситуация, когда домов относительно немного и они отделены от прочей застройки, тем самым становясь очевидной приоритетной локацией поселения работающих на рынке мигрантов. Многие случаи, в рамках которых не сложилось места резидентной концентрации, как раз характеризуются тем, что вокруг рынков там располагаются огромные массивы пространственно недифференцированной резидентной застройки. Среди прочего этот фактор не позволил сформироваться месту резидентной концентрации рядом с рынком «Юнона» в Санкт-петербургском районе Автово или рядом с Юго-Западным рынком в Воронеже. Обратным примером оказывается район Темерник в Ростове-на-Дону — он относительно небольшой и отгорожен от прочих районов железной дорогой и промзоной.

Характеристики застройки

Среди вариантов застройки, прилегающей к рынкам, можно выделить, с одной стороны, «частный сектор», с другой — мало- и многоэтажную застройку, при этом в последней следует различить новостройки и многоэтажки советского времени, а среди них, в свою очередь, выделяются многоквартирные дома и общежития/коммуналки. Механизмы, посредством которых каждое из различий связано с вероятностью складывания мест резидентной концентрации, разные. Так, если рядом с рынком расположен частный сектор, «мигрантскими» становятся непосредственно прилегающие к месту торговли улицы. При этом через три-четыре улицы «эффект рынка» полностью теряется, поскольку хозяева участков, отделенных от внешнего мира высокими заборами, добираются до них на транспорте, и в целом не рассматривают соседство с рынком как что-то мешающее. Как следствие — из этого района не уезжают местные жители, и его не избегают те, кто собирается купить дом в частном секторе. Вопреки интуиции, предиктором складывания мест резидентной концентрации среди многоэтажек оказываются новостройки экономкласса, а не здания советского времени. Это происходит потому, что в новостройках мигрантам не приходится конкурировать за жилье с теми, кому оно досталось в советский период. При этом, если сравнивать общежития советской постройки и многоквартирные дома того же времени — более «мигрантскими» будут общежития, потому что чем мельче резидентная единица, тем выше на нее специфически «мигрантский» спрос. Ярче всего этот фактор проявился в ростовском районе Темерник, где застройка — это бывшие общежития завода «Ростсельмаш» и бюджетные новостройки. Местом, где, наоборот, наряду с прочими факторами, проживание населения советского времени не позволило сложиться полноценному месту резидентной концентрации, стал красноярский район КрасТЭЦ.

Обобщая, можно сказать, что места резидентной концентрации рядом с рынком складываются с большей вероятностью в случае, если:

- 1) в городе высока доля мигрантов в населении;
- 2) рынок большой, «мигрантский», существует давно;

3) имеется застройка, непосредственно примыкающая к рынку и пространственно отделенная от прочих районов;

4) стоимость недвижимости на покупку и в аренду в застройке низкая;

5) застройка преимущественно состоит из новостроек и общежитий.

Наиболее ярким случаем совпадения такой конструкции факторов оказывается район Темерник в Ростове-на-Дону, который мы приведем в качестве иллюстрации.

Случай: Темерник, Ростов-на-Дону

Развившись из небольшой крепости, в конце XIX века Ростов-на-Дону пережил бурный рост, с чем связано складывание престижного центра, окруженного малоэтажным «самостроем»⁸. В советский период на очертания и облик города прежде всего повлияло открытие завода «Ростсельмаш», расположившегося к северо-востоку от центра, вокруг которого возникла мало- и многоэтажная застройка. На свободных пространствах, кроме того, складывается «частный сектор», доля которого оценивается как одна из самых высоких в российских городах-миллионниках⁹. В постсоветское время новые многоэтажные дома появляются по всему Ростову-на-Дону, включая центр, заводские районы и окраины.

Район Темерник располагается на внешней окраине Ворошиловского района, недалеко от административных границ города. Здесь в конце 1980-х от завода «Ростсельмаш» было построено несколько общежитий квартирного типа. В постсоветское время в промежутках между ними стали возникать новостройки экономкласса. На данный момент Темерник считается одним из самых дешевых в Ростове-на-Дону, относясь к третьему квартилю по ценам на покупку недвижимости и к четвертому квартилю по ценам на аренду¹⁰. Имея форму треугольника, с одной стороны район ограничен лесным массивом, с другой — рекой Темерник, а с третьей — рыночным кластером, известным под названиями Восточный или Темерник (см. рис. 1).

Рис. 1. Микрорайон Темерник и рыночный кластер¹¹

⁸ Из экскурсии, проведенной в рамках исследования М. В. Братолобовой, доцентом ЮФУ.

⁹ Частный сектор в жилом фонде городов-миллионников // SmartLoc Geomarketing Company. 2019. 16 мая. URL: <http://smartloc.ru/list/blog/articles/igs/> (дата обращения: 29.09.2021).

¹⁰ Маркетинговое исследование рынка жилой недвижимости (Ростов-на-Дону) // PwC. 2018. <https://www.pwc.ru/ru/assets/avito/report-avito-rostov-28052018.pdf> (дата обращения: 29.09.2021).

¹¹ Источник: Google Карты. URL: <https://www.google.ru/maps/> (дата обращения: 12.11.2020).

Этот кластер возникает в конце 1990-х годов на пустыре, затем разрастается и занимает всю территорию между улицей Лелюшенко и частным сектором, формально объединяя три вещевых рынка — «Восточный», «Первый Темер» и «Темерник» (см. рис. 2). На данный момент, согласно данным, приведенным на официальном сайте¹², здесь работает около 4 000 продавцов. Оптовая же торговля, ведущаяся на рынке, предполагает еще большее число рабочих мест, значительную часть которых занимают мигранты.

Рис. 2. Улица Лелюшенко, располагающаяся между жилой застройкой и рынком¹³

По приему мигрантов Ростовская область занимает 13 место среди всех регионов России, однако мигрантов из Средней Азии здесь сравнительно немного¹⁴. Заняты они в строительстве, сельском хозяйстве и торговле, при этом в сфере услуг, по всей видимости, они работают в меньшей степени, чем в других регионах, и связано это с тем, что на те же позиции претендуют беженцы и мигранты из ЛНР и ДНР¹⁵. Одно из мест трудоустройства среднеазиатских мигрантов в Ростове-на-Дону — это рынок Темерник.

Рынок находится через улицу от жилой застройки. На улице происходит хаотичное автомобильное и пешеходное движение, пешеходы перемещаются в том числе между рынком и застройкой. Дома, непосредственно прилегающие к рынку, — это общежития квартирного типа и четырехподъездные новостройки экономкласса. Вглубь района располагаются чуть более дорогие новостройки. Доля «мигрантских» квартир в прилегающей к рынку застройке составляет, по всей видимости, не менее 40 % и несколько снижается по мере отдаления от рынка. В новостройке по адресу ул. Миронова, 6 мигранты составляют значимое меньшинство — на этаже из шести квартир «мигрантской» оказывается только одна. «Поглощена» рынком располагающаяся рядом с ним улица частного сектора — там находится несколько

¹² Подробнее см. URL: <https://темер.рф/o-nas/istoriya/> (дата обращения 02.11.2021).

¹³ Источник: Google Карты. URL: <https://www.google.ru/maps/> (дата обращения: 12.11.2020).

¹⁴ Из интервью с Е. А. Серебряковой, руководителем Центра правовой помощи мигрантам в Ростове-на-Дону.

¹⁵ Там же.

двух- и трехэтажных общежитий, в пяти-шести улицах от рынка его резидентный эффект сходит на нет.

В целом высокая концентрация мигрантов в этом районе обусловлена величиной рынка, относительно небольшим количеством отграниченной от прочих районов застройки, в которой высока доля общежитий и новостроек экономкласса, а также тем, что рынок и застройка находятся в пешей доступности. Дополнительно, по всей видимости, роль играет то, что жилье в общежитиях выдавалось работникам завода «Ростсельмаш» и обычно было для них вторым, поэтому там не сложилось укорененного местного сообщества. Кроме того, известно, что часть квартир в новостройках до сих пор выдается очередникам, которые не испытывают привязанности к району и, столкнувшись с тем, что в нем много мигрантов, нередко довольно быстро оттуда уезжают.

Дискуссия

Таким образом, можно говорить, что в российских городах-миллионниках складываются места резидентной концентрации мигрантов, и в рамках одного из типичных сценариев или паттернов они возникают вокруг крупных вещевых или реже плодоовощных рынков. Есть ли иные паттерны? По всей видимости, да. В частности, воспроизводится паттерн, в рамках которого образуются крупные кластеры рабочих общежитий, где могут селиться, например, работники строительных фирм. Так, в Омске китайская строительная компания, ремонтирующая местный нефтеперерабатывающий завод, построила два таких кластера: отдельно для китайских и отдельно для среднеазиатских рабочих. Похожий кластер складывается между Москвой и Одинцово в Новоивановском сельском поселении, куда селятся рабочие (как «одиночки», так и «семейные»), занятые на объектах в «Москва-Сити» и «Сколково». Если расширить объект исследования до мест резидентной концентрации мигрантов в России за пределами городов-миллионников, следует отметить поселки в сельской местности, где значительную долю населения составляют мигранты. Они возникают в прилегающих к столичному региону областях, и если в одних случаях ведущими факторами складывания таких мест выступают низкая стоимость жилья и активная циркуляция информации между мигрантами¹⁶, то в других случаях на первый план выходит этническая идентичность¹⁷. Такие места резидентной концентрации только предстоит изучить.

Возвращаясь к настоящему исследованию, нужно отметить, что выявление рыночного паттерна органичным образом поставило два исследовательских вопроса. Первый связан с организацией логистических сетей в России. Согласно нашей модели, места резидентной концентрации в рамках изученного паттерна складываются вокруг больших вещевых и плодоовощных рынков. Можно предположить, что если таких рынков нет, не будет и места резидентной концентрации. Вместе с тем, как следует из исследования, в каждом городе-миллионнике есть «вещевки»

¹⁶ Например, село Рождествено в Тверской области. Подробнее см. Аронов Н. Деревня Тюбетейкино // Огонек. 2018. № 6. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3534121> (дата обращения: 29.09.2021).

¹⁷ Например, несостоявшийся кыргызский поселок Ала-Тоо-1 в Тульской области. Об этом см. В России появится первое село для киргизов // Lenta.ru. 2018. 16 мая. URL: <https://lenta.ru/news/2018/05/16/wtf/> (дата обращения: 29.09.2021).

и плодоовощные рынки, вокруг которых образуется некоторая резидентная концентрация. Нюанс, однако, состоит в том, что нередко предприниматели, работающие на этих рынках, ездят на закупки на оптовые рынки и овощебазы в другие города или заказывают оттуда товары. В частности, крупными логистическими центрами, обслуживающими другие регионы и города-миллионники, являются рынок «Садовод» в Москве, «Таганский ряд» в Екатеринбурге и Гусинобродский рынок в Новосибирске, вокруг которых и складываются наиболее крупные места концентрации мигрантов. Из этого можно сделать вывод, что для того, чтобы понять, где и почему возникают места резидентной концентрации, надо изучить сеть логистики для вещевой и плодоовощной торговли в России в целом. Другой вопрос, возникающий в связи с выявленным паттерном, таков: почему в некоторых сферах торговли в России большая часть занятых на разных позициях — мигранты? Такое пока еще не проведенное исследование лежит в области социальной истории, и в его фокусе, скорее всего, должно оказаться преобразование колхозов в совхозы на Кавказе и в Средней Азии, а также складывание неформальных сетей поставок сельхозпродукции в города РСФСР в советское время. Это что касается плодоовощной торговли. Что же касается вещевых рынков, вероятно, необходимо понять, как были организованы сети поставок одежды во время перестройки, какие группы там доминировали, и с чем это было связано. Формулировку вопроса для такого исследования еще предстоит уточнить, однако ответ на него приблизит к пониманию того, почему места резидентной концентрации в городах-миллионниках складываются именно вокруг плодоовощных и вещевых рынков.

Отдельный важный вопрос — насколько выявленный паттерн отличается от того, каковы места резидентной концентрации мигрантов в зарубежных принимающих странах и как они складываются. Можно ли говорить о «российском паттерне» складывания мест резидентной концентрации мигрантов? Как отмечено в обзоре литературы, исследований мест резидентной концентрации в целом не очень много. Еще меньше работ, где бы классифицировались механизмы их складывания. Вместе с тем в американской литературе с 1990-х годов начали выделять так называемый «этнобурб» [Chan, 2012; Li, 1998], представляющий из себя межпоколенный среднечлассовый мигрантский «внешний» пригород, противопоставляемый призаоводским местам резидентной концентрации во «внутренних» пригородах. Американской истории складывания мест резидентной концентрации мигрантов может быть противопоставлена европейская континентальная модель (из страновых примеров — Франция и Швеция), где в образовании мест резидентной концентрации центральной оказывается роль государства как инициатора строительства общественного и социального жилья. От всех перечисленных выше случаев отличаются места резидентной концентрации, складывающиеся в монархиях Персидского залива, например, в Дубае — там мигранты последние годы концентрируются на больших территориях, занятых почти исключительно «мигрантскими» общежитиями.

Таким образом, можно говорить лишь о некоторой особенности российского случая в сравнении с известными нам зарубежными, состоящей в том, что в нашей стране места резидентной концентрации складываются именно рядом с рынками. Факт проживания рыночных работников рядом с рынками не является уникаль-

ным (равно как и любых работников рядом с их работой), однако особенностью оказывается то, что а) торговля выступает одной из сфер, в которых мигранты заняты в первую очередь, б) мигранты, занятые в торговле, образуют плотные сети с мигрантами, занятыми на других работах (что позволяет расселяться рядом с рынком не только рыночным работникам), в) рынки, как минимум в 1990-х, были одной из доминирующих форм торговли, что, как известно из литературы, считается свойством так называемых постсоциалистических городов [Stanilov, 2007]. Тем не менее кропотливое исследование зарубежных случаев складывания мест резидентной концентрации, равно как и сравнение российского паттерна с ними, еще только предстоит осуществить.

В заключение стоит отметить еще одну вещь. Похоже, что время рынков проходит. Появившись в 1990-х годах, эта форма торговли товарами «широкого потребления» замещается сетевыми магазинами, дисконт-центрами, онлайн-торговлей и пр. Этому способствуют и действия органов власти, видящих в рынках разнообразные угрозы. В последнее десятилетие административными решениями крупные рынки ликвидируются, переносятся, «реновируются», а также дробятся и «разносятся» по городской среде. В связи с этим исчезают и места резидентной концентрации мигрантов. Случай рыночного кластера на Гусинобродском шоссе в Новосибирске, где перенос части рынка не привел к ликвидации места резидентной концентрации мигрантов, скорее оказывается исключением из правил. Более типичен случай Казани, где «Центральный» рынок обновили и ликвидировали там часть уличных рядов, а параллельно — расселяли и сносили ветхую застройку вокруг рынка, а также случай Челябинска, где гигантский «Восточный» рынок, располагавшийся через реку от центра города, был частично перенесен в другое место, и «мощность» оставшихся торговых рядов, наложенная на центральность рынка, оказалась недостаточной для поддержания существования места резидентной концентрации. В ходе подготовки к полевому исследованию нам регулярно попадались заметки в СМИ, согласно которым тот или иной исследуемый рынок собираются ликвидировать полностью¹⁸ или частично¹⁹. Вероятно, что уже через несколько лет изученный в ходе этого исследования рыночный ландшафт российских городов-миллионников существенным образом изменится. В связи с тем, что места резидентной концентрации связаны с рынками, скорее всего, будут иными и характеристики расселения мигрантов в этих городах. На основании уже имеющихся наблюдений, можно предположить, что изменятся они в сторону более равномерного расселения мигрантов в городской среде, но детальнее об этом можно будет говорить лишь в будущем.

Список литературы (References)

Авдашкин А. А. «Китайский» рынок в пространстве российского города (случай Челябинска) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 2. С. 147—156. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-49-2-13>.

¹⁸ Симохина Е. Шереметьева И. На месте Тракторного рынка сделают сквер // Комсомольская правда (Волгоград). 2020. 14 февраля. URL: <https://www.volgograd.kp.ru/daily/27091/4164441/> (дата обращения: 29.09.2021).

¹⁹ Ламзина А. Суд согласовал зачистку Кировского рынка в Самаре // 63.ру. 2020. 21 июля. URL: <https://63.ru/text/business/69377749/> (дата обращения: 29.09.2021).

Avdashkin A. A. (2020) “Chinese” Market in the Space of a Russian City (The Case of Chelyabinsk). *Vestnik Arkheologii, Antropologii i Etnografii*. No. 2. P. 147—156. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-49-2-13>.

Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 2010. Т. 2. № 3. С. 72—95. URL: <https://sociabo.org/index.php/laboratorium/article/view/219/504> (дата обращения: 30.10.2021)

Brednikova O., Tkach O. (2010) What Home Means to the Nomad. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 2. No. 3. P. 72—95. URL: <https://sociabo.org/index.php/laboratorium/article/view/219/504> (accessed: 30.10.2021). (In Russ.)

Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С., Андреева А. С. Расселение мигрантов в глобальных городах и его детерминанты: Париж, Сингапур, Сидней и Москва в сравнении. Часть I // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 6. С. 479—504. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.25>.

Varshaver E. A., Rocheva A. L., Ivanova N. S., Andreeva A. S. (2019) Migrants' Settlement Patterns in Global Cities and their Determinants: Paris, Singapore, Sydney, and Moscow. Part I. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 479—504. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.25>.

Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С., Андреева А. С. Расселение мигрантов в глобальных городах и его детерминанты: Париж, Сингапур, Сидней и Москва в сравнении. Часть II // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 2. С. 457—485. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.1640>.

Varshaver E. A., Rocheva A. L., Ivanova N. S., Andreeva A. S. (2020) Migrants' Settlement Patterns in Global Cities and their Determinants: Paris, Singapore, Sydney, and Moscow. Part I. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 457—485. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.1640>.

Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С., Ермакова М. А. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // *Социологическое обозрение*. 2020. Т. 19. № 2. С. 225—253. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-2-225-253>.

Varshaver E. A., Rocheva A. L., Ivanova N. S., Ermakova M. A. (2020) Residential Concentrations of Migrants in Russian Cities: Is There a Pattern? *The Russian Sociological Review*. Vol. 19. No. 2. P. 225—253. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-2-225-253>.

Варшавер Е., Иванова Н., Рочева А. Положение мигрантов в России во время пандемии коронавируса (COVID-19): результаты опроса. М.: РАНХиГС, 2020. URL: http://mer-center.ru/_ld/1/169_06-07-2020-vars.pdf (дата обращения: 27.10.2021).

Varshaver E., Ivanova N., Rocheva A. (2020) Situation of Migrants in Russia During the Coronavirus (COVID-19) Pandemic: Survey Results. Moscow: RANEPА. URL: http://mer-center.ru/_ld/1/169_06-07-2020-vars.pdf (accessed: 27.10.2021). (In Russ.)

Вендина О. Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы? // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. Т. 71. № 3. С. 52—64. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/702/972/1219/07_vendina-52-64.pdf (дата обращения: 04.11.2021).

Vendina O. (2004) Could Ethnic Quarters Emerge in Moscow? *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*. Vol. 71. No. 3. P. 52—64. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/702/972/1219/07_vendina-52-64.pdf (accessed: 04.11.2021). (In Russ.)

Вендина О. И. Культурное разнообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве // Иммигранты в Москве / под ред. Ж. А. Зайончковской. М.: Три квадрата, 2009. С. 45—148.

Vendina O. I. (2009) Cultural Diversity and “Side” Effects of Ethnocultural Policy in Moscow. In: Zh. A. Zaiionchkovskaia (ed.) *Immigrants in Moscow*. Moscow: Tri kvadrata. P. 45—148.

Вендина О. И., Панин А. Н., Тикунов В. С. Социальное пространство Москвы: особенности и структура. Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 6. С. 3—17. <https://doi.org/10.31857/S2587-5566201963-17>.

Vendina O. I., Panin A. N., Tikunov V. S. (2019) Social Space of Moscow: Peculiarities and Patterns. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*. No. 6. P. 3—17. <https://doi.org/10.31857/S2587-5566201963-17>. (In Russ.)

Ермакова М. А., Варшавер Е. А., Иванова Н. С. Характеристики проживания и интеграция мигрантов в Москве и Московской области. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 2. С. 363—381. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-363-381>.

Ermakova M. A., Varshaver E. A., Ivanova N. S. (2020) Features of Settlement and Integration of Migrants in Moscow And The Moscow Region. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 20. No. 2. P. 363—381. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-363-381>. (In Russ.)

Ерохина Е. А. Этнические рынки и их роль в трансформации городского пространства (на примере Новосибирска) // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 4. С. 173—182. <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2017-15-4-173-182>.

Erokhina E. A. (2017) Interethnic Communities: The Problem of Attribution. *Siberian Journal of Philosophy*. Vol. 15. No. 4. P. 173—182. <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2017-15-4-173-182>. (In Russ.)

Мкртчян Н. В. Динамика населения регионов России и роль миграции: критическая оценка на основе переписей 2002 и 2010 гг. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2011. № 5. С. 28—41.

Mkrtchyan N. V. (2011) Dynamic of the Russian Region Population and the Role of Migration: Critical Evaluation on the Base of Census. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*. No. 5. P. 28—41.

Филиппов В. Столичный мегаполис: антропология переписи // Этнография переписи-2002 / под ред. Е. Филипповой, Д. Ареля, К. Гусеф. М.: Авиаиздат. 2003. С. 263—237.

Filippov V. (2003) Capital Metropolis: Anthropology of the Census. In: Filippova E., Arel D., Guse K. (eds.) *Ethnography Census-2002*. Moscow: Aviaizdat. P. 263—237.

Blom S. (1999) Residential Concentration Among Immigrants in Oslo. *International Migration*. Vol. 37. No. 3. P. 617—641. <https://doi.org/10.1111/1468-2435.00086>.

Chan A. (2012) From Chinatown to Ethnoburb: The Chinese in Toronto. Paper presented at: *The 5th WCILCOS International Conference of Institutes and Libraries for Chinese Overseas Studies: Chinese through the Americas*. Vancouver (CA): University of British Columbia Library. <https://doi.org/10.14288/1.0103074>.

Chiswick B. R., Miller P. W. (2005) Do Enclaves Matter in Immigrant Adjustment? *City and Community*. Vol. 4. No. 1. P. 5—35. <https://doi.org/10.1111/j.1535-6841.2005.00101.x>.

Danzer A. M., Feuerbaum C., Piopiunik M., Woessmann L. (2018) *Growing up in Ethnic Enclaves: Language Proficiency and Educational Attainment of Immigrant Children*. IZA Discussion Paper No. 11608, IZA — Institute of Labor Economics. Bonn: IZA — Institute of Labor Economics. <http://ftp.iza.org/dp11608.pdf> (accessed: 30.10.2021).

Demintseva E. (2017) Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 43. No. 15. P. 2556—2572. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1294053>.

Douzet F., Robine J. (2015) 'Les Jeunes des Banlieues': Neighborhood Effects on the Immigrant Youth Experience in France. *Journal of Cultural Geography*. Vol. 32. No. 1. P. 40—53. <https://doi.org/10.1080/08873631.2015.1004854>.

Edin P. A., Fredriksson P., Åslund O. (2003) Ethnic Enclaves and the Economic Success of Immigrants — Evidence from a Natural Experiment. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 118. No. 1. P. 329—357. <https://doi.org/10.1162/00335530360535225>.

Grönqvist H. (2006) Ethnic Enclaves and the Attainments of Immigrant Children. *European Sociological Review*. Vol. 22. No. 4. P. 369—382. <https://doi.org/10.1093/esr/jcl002>.

Hartog J., Zorlu A. (2009) Ethnic Segregation in The Netherlands: An Analysis at Neighbourhood Level. *International Journal of Manpower*. Vol. 30. No. (1—2). P. 15—25. <https://doi.org/10.1108/01437720910948366>.

Hüttermann J. (2018) Neighbourhood Effects on Jihadist Radicalisation in Germany? Some Case-Based Remarks. *International Journal of Conflict and Violence*. No. 12. P. 1—16. <https://doi.org/10.4119/ijcv-3100>.

Iceland J., Scopilliti M. (2008) Immigrant Residential Segregation in US Metropolitan Areas, 1990—2000. *Demography*. Vol. 45. No. 1. P. 79—94. <https://doi.org/10.1353/dem.2008.0009>.

Jurcik T., Ahmed R., Yakobov E., Solopieieva-Jurcikova I., Ryder A. G. (2013) Understanding the Role of the Ethnic Density Effect: Issues of Acculturation, Discrimination and Social Support. *Journal of Community Psychology*. Vol. 41. No. 6. P. 662—678. <https://doi.org/10.1002/jcop.21563>.

Lazear E. P. (1999) Culture and Language. *Journal of Political Economy*. Vol. 107. No. S6. P. S95—S126. <https://doi.org/10.1086/250105>.

Li W. (1998) Anatomy of a New Ethnic Settlement: The Chinese Ethnoburb in Los Angeles. *Urban Studies*. Vol. 35. No. 3. P. 479—501. <https://doi.org/10.1080/0042098984871>.

MacDonald J. M., Hipp J. R., Gill C. (2013) The Effects of Immigrant Concentration on Changes in Neighborhood Crime Rates. *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 29. No. 2. P. 191—215. <https://doi.org/10.1007/s10940-012-9176-8>.

Madiukova S. A., Persidskaia O. A. (2017) Ethnic Enclaves as a Social and Territorial Phenomenon (Based on the City of Novosibirsk). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. Vol. 10. No. 7. P. 983—994. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0107>.

Massey D. S. (1985) Ethnic Residential Segregation: A Theoretical Synthesis and Empirical Review. *Sociology and Social Research*. Vol. 69. No. 3. P. 315—350.

Mazumdar S., Mazumdar S., Docuyan F., McLaughlin C.M. (2000) Creating a Sense of Place: the Vietnamese-Americans and Little Saigon. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 20. No. 4. P. 319—333. <https://doi.org/10.1006/jevp.2000.0170>.

Moon S., Jang Y. (2014) The Formation Mechanism of Ethnic Enclaves: A Case Study of Bom Retiro Korean Garment Industrial District in Brazil. *Journal of the Economic Geographical Society of Korea*. Vol. 17. No. 4. P. 876—891. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00205.x>.

Murdie R. A. (2008) Diversity and Concentration in Canadian Immigration: Trends in Toronto, Montréal and Vancouver, 1971—2006. *Research Bulletin No. 42, Centre for Urban and Community Studies, University of Toronto*. Toronto: University of Toronto. URL: <http://www.urbancentre.utoronto.ca/pdfs/researchbulletins/CUCSRB42-Murdie-Cdn-Immigration3-2008.pdf> (accessed: 30.10.2021).

Musterd S. (2005) Social and Ethnic Segregation in Europe: Levels, Causes, and Effects. *Journal of Urban Affairs*. Vol. 27. No. 3. P. 331—348. <https://doi.org/10.1111/j.0735-2166.2005.00239.x>.

Portes A., Manning R. D. (1986) The Immigrant Enclave: Theory and Empirical Examples. Olzak S., Nagel J. (eds.) *Competitive Ethnic Relations*. New York, NY: Academic Press. P. 47—68.

Poulsen M., Johnston R., Forrest J. (2004) Is Sydney a Divided City Ethnically? *Australian Geographical Studies*. Vol. 42. No. 3. P. 356—377. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8470.2004.00279.x>.

Rydland V., Aukrust V. G., Fulland H. (2013) Living in Neighborhoods with High or Low Co-Ethnic Concentration: Turkish — Norwegian-Speaking Students' Vocabulary Skills and Reading Comprehension. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. Vol. 16. No. 6. P. 657—674. <https://doi.org/10.1080/13670050.2012.709224>.

Schönwälder K. (ed.) (2007) Residential Segregation and the Integration of Immigrants: Britain, the Netherlands and Sweden. WZB Discussion Paper No. SP IV 2007—602, Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung. URL: <https://bibliothek.wzb.eu/pdf/2007/iv07-602.pdf> (accessed: 30.10.2021).

Stanilov K. (2007) The Post-Socialist City: Urban Form and Space Transformations in Central and Eastern Europe after Socialism. Dordrecht: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-1-4020-6053-3>.

Walton E. (2017) Spatial Assimilation and Its Discontents: Asian Ethnic Neighborhood Change in California. *Urban Geography*. Vol. 38. No. 7. P. 993–1018. <https://doi.org/10.1080/02723638.2016.1191790>.